Культура. – 1993. – 11 дек. – С. 8.
11.12.93

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ: ВСЕВОЛОД ЛАРИОНОВ

Ларионов Всеволод

— НУ, ЗНАЕШЬ, МАЛЫШ...

Именно с этими привычно ласковыми словами встретил меня Всеволод Ларионов около «Ленкома», театра, в котором он служит всю свою жизнь. Только произнес он их как-то уныло. Я, естественно, поинтересовался, в чем дело, почему Всеволод так расстроен. Оказалось, что какая-то газета напечатала снимок Никиты Михалкова и Александра Руцкого, отмечая их дружбу, а телевидение этот снимок несколько раз воспроизвело в различных передачах. После так называемого путча это читалось как «ату!» Михалкова, как своего рода донос... Мы с Ларионовым вспомнили, знаменитое крыловское «Ах, моська!», поговорили о всеобщем паскудстве, посудачили, что великих кинорежиссеров и таких потрясающих актеров, как Никита Михалков, в стране не осталось и десятка. Потом в беседе постановили, что если бы где-нибудь, как это теперь принято говорить, в цивилизованной стране, человек снял бы только один фильм, равный «Неоконченной пьесе для механического пианино», он бы мог всю жизнь почивать на лаврах. Оба объяснились в любви Никите Михалкову. Одна моя статья так и называлась «Объяснение в любви», это об «Урге». Потихонечку разговор перешел на работу Всеволода Дмитриевича в новой картине Михалкова, посвященной Чехову, но без Чехова в кадре. Ларионов рассказывал, как потрясающе работает режиссер, как знает и любит Чехова, знает и любит Русь, потому и не почивает на лаврах в других краях.

Всеволод говорил, а я уже почти не слушал текст: все всматривался в его лицо, пытаясь понять, как удалось ему сохранить красоту лица, юную выразительность глаз, этот живой интерес к людям и событиям.

Кровь в его жилах течет благородная, и дело даже не в родственных связях чуть ли не с самими Щепкиным и Толстым, это благородство русского актера, мера которого — преданность профессии, долгу и Родине. Сейчас таких слов не говорят, но Ларионов вырос и учился в то время, когда Родины не стыдились, особенно те, кто помнил, что началась она не с семнадцатого года.

В детстве меня поражала разница моего и маминого восприятия Ларионова. На ее молодые годы пришелся «Пятнадцатилетний капитан», сделавший Ларионова «звездой» экрана, на мою молодость пришлась «Улица полна неожиданностей», где он сыграл Званцова. Мама воспринимала Ларионова романтичным героем, а я — законченным подлецом. Этот диапазон, мало дающийся актерам с героической внешностью, для Ларионова всегда был естествен. Он и теперь, подходя под определение «благородного отца», вполне «берет» любые острохарактерные роли. В «Анне Павловой» — Дягилев, конечно же, «благородный отец», тогда как в «Очах черных», «Сибириаде» и «Обыкновенном чуде» он пользуется почти гротесковыми приемами.

Сейчас как-то не принято говорить о профессии в связи с новым кино, где актеров находят прямо на улице. И то правда — чего бы им в короткую единицу времени не воспроизвести нужное состояние при определенной распущенности нервной системы? К профессии это отношения не имеет. Профессия — это когда, без знания английского языка, по-английски играется большая роль, такая, как в «Петре I», или такая, как в «Ближнем круге», была у В. Ларионова. По-итальянски он играл в фильме «Очи черные». Профессия — это когда на встречах со зрителями, наивные люди интересуются почтительно: «Сколько вы еще языков знаете?» Профессия — это и десятки продублированных фильмов, сложнейшее дело трансформации чужой речи в собственную, образного перевода с языка на язык, при котором нужно не испортить зарубежному актеру роль, проявить его, а не свою личность, и не утратить ничего из художественной структуры фильма.

Уже есть такое понятие — ларионовский радиотеатр, если кто слышал голос Всеволода на радио, не забудет его никогда. Какие-то особые модуляции, излучаемое тепло, выразительность интонаций — все создает иллюзию видимого, а не просто слышимого. Не думаю, что он как-то особенно занимался голосом, ставил его, тем более что и по образованию Ларионов не актер, а театровед. Просто природа так одарила его, а потом полученное с рождения шлифовалось на хороших ролях, в постоянной работе и прежде всего, конечно, в театре.

Последние две заметные работы Всеволода на сцене «Ленкома»—в «Мудреце» и в «Поминальной молитве». «Поминальная...» вообще сделала Ларионова легендой. Три, небольших по сценическому времени, выхода Ларионова в роли Лейзера, жениха одной из дочерей Тевье-молочника, могут стать поводом для написания учебника по актерскому мастерству. Сцена объяснения Лейзера с Тевье в трактире,— и грустная, и смешная. Любой профессиональный актер в состоянии рассмешить зал, когда он говорит о невесте, а ее отец думает, что речь идет о покупке коровы. Но суметь заставить людей смеяться на каждое слово, на каждый жест и даже на точно найденную паузу могут только Ларионов и Леонов. Они невольно эту сцену сделали центральной в спектакле, да она и построена Захаровым как отдельный номер, вынесенный на авансцену.

Всеволод Дмитриевич очень внимателен к театральной детали, у него есть та культура костюма и грима, которая позволяет создавать образ. Особенно сидящая шляпа, манера надеть пиджак, найденная походка, неуловимые характеристики речи — и вот уже перед нами стареющий еврей, милый и трогательный в своем желании устроить жизнь Ларионов избегает прямолинейных решений, он актер не «лобовой атаки», а «нежного, изящного плетения». Никогда на сцене Всеволод Дмитриевич не «расплескивает» себя сразу, он очень умело распределяется по роли, реализуя найденные манки постепенно, по нарастающей, как в хорошем детективе. Чувствуя зал, он не идет у него на поводу, а, напротив, руководит им. Поэтому никогда не скатывается до пошлости, которая часто возникает из потакания некоторым низменным потребностям публики.

Конечно, Ларионов — корифей своего дела, но ничего суперважного нет в его натуре. В театре, как и в искусстве вообще, где не важен возраст, важно лишь одно — талантлив ты или нет, многие молодые на «ты» с более зрелыми и даже старыми. Талант уравнивает. В этом смысле Всеволод Дмитриевич мог всегда со всеми чувствовать себя на «ты», ему никогда не было стыдно за выбранную профессию, так как призвание к ней и способности чувствовал в себе с детства, тем более что семья была театральной. К нему тоже многие обращаются просто, по большой любви, потому что тянутся к нему, с удовольствием слушают его бесконечные байки, некоторым даже позволено называть его Вока, как звали в детстве домашние. Мне тоже иногда хочется назвать его Вока, от доброго чувства, поднимающегося во мне при виде Всеволода Дмитриевича. В этом порыве, моем и других, нет ничего от фамильярности и панибратства, просто трудно найти нежные слова по отношению к такому взрослому и знаменитому мужчине.

Сейчас, наверное, популярность Ларионова возрастет непомерно, так как он играет мафиозо в любимом зрителями сериале. Что ж, это неплохо, но это мало что добавит к тому истинному признанию, которое давно пришло к артисту. Его узнают на улицах, хотя он не так много снимается, как иные более молодые, но никому не интересные актеры, не дает интервью, не мелькает в шоу-программах на телевидении. Он вообще всю эту мишуру не очень любит. После театра—скорее бы домой, а летом— в свой сад на даче. Некогда этим заниматься, много работы, есть предложения в кино, планы на радио... «понимаешь, малыш?».

Вадим МИХАЛЕВ.

Фото Д. Хрупова.